

Автор более 10 книг для детей: пишет стихи, сказки, рассказы на русском и белорусском языках. Дипломант Республиканского литконкурса «Лепшы твор 2010 года ў галіне дзіцячай літаратуры» (кніга “Якія колеры ў вясёлцы?”). Лауреат областных литконкурсов «Православие — моя надежда» (2013), им. Кирилла Туровского (2013). Награждён медалью «За вялікі ўклад у літаратуру» (2013). Присвоено звание «Ганаровы член Саюза пісьменнікаў Беларусі» (2014). Член Союза писателей Беларуси (2003).

СОНЯ

Есть такая старая байка. В одной деревне поселилась цыганская семья — отец, мать и куча ребятишек. Однажды, в начале зимы, старая бабка увидела цыганёнка, бегающего по заснеженной деревенской улице босиком.

— А, хлопчик же ты мой! — запричитала бабка, — идём же скорей в хату. Затащила его в хату, усадила на печку, напоила горячим молоком с мёдом. День проходит, другой. И на третий день никто не ищет цыганёнка. Тогда бабка сама идёт к цыгану и говорит ему, чтобы он забрал своего сынишку с её печки.

— Э, бабка, — говорит цыган, выслушав её рассказ, — плохо ты сделала. Раньше он у меня был закалённый, мог зимой босиком по снегу бегать. А теперь ты его испортила, и он может заболеть. Пусть теперь до весны у тебя на печке сидит, а весной я его снова закалять начну.

Чуть позже станет понятно, зачем я рассказал эту притчу, а может быть, и был.

Однажды вечером, это было в конце сентября, я услышал, что мой Кузя поднял шум во дворе. Уже стемнело, и чёрного Кузи не было видно на фоне тёмной травы. Но зато хорошо был слышен его неистовый лай.

Подойдя чуть ближе, я увидел, что он прыгает по цветнику (благо, уже отцветшему) вокруг тёмного пятна. Зная Кузины разбойничьи замашки, я думал, что он прижал какого-нибудь местного кота. Но, всмотревшись в темноту, увидел между кустами георгинов свернувшегося в клубок ёжика.

Я осторожно взял колючий клубок в руки и понёс его в дом. А что мне оставалось делать? В общем-то, ночь для ёжика — самое любимое время суток. Это, так сказать, его рабочий день. Ведь ежи охотятся только ночью и под утро, а всё остальное время спят, если их ничто не беспокоит.

Но оставить его во дворе — Кузя не оставит в покое. С трёх сторон — соседские огороды: не подбрасывать же его им, а живём мы не в лесу. Да и нечасто ёжики в гости заходят. Угостить надо. Вот и понёс я его в дом.

Через иголки, как через антенны, я ощущал, как колотится его сер-

дечко. Хотя колючий ёжик и не очень-то врагов опасается, да видно нагнал страху на него Кузя своим лаем.

Но, оказавшись у меня в руках, ёжик моментально успокоился. Я ещё не успел до двери дойти, как уже перестал ощущать стук его сердечка.

В кухне я опустил эту колючку на пол, и не прошло и минуты, как клубок развернулся, показался любопытный носик с чёрненьким шариком на кончике, и ёжик начал обследовать комнаты.

Через какое-то время я обнаружил, что ёжик также, как кот и собака, реагирует на ласку. Если я просто дотрагивался до него, ёжик смешно подпрыгивал, бодал мою руку колючим лбом и при этом угрожающе пыхтел и сопел. Но, когда я гладил его по иголкам, как котёнка или щенка по шёрстке, ёжик, к моему удивлению, затихал и не пытался ни убежать, ни уколоть мою руку.

Вскоре в приоткрытую дверь вошёл Барсик, гроза всех окрестных котов. Правда, теперь он уже несколько повзрослел и поэтому начал относиться к местным котам более снисходительно, не задирая их по любому поводу.

Мне было интересно, а как же он отреагирует на ежа? Но, к моему удивлению, Барсик лишь раз взглянул на ежа и, больше не удостоивая его вниманием, принялся лакать молоко, которое я, в общем-то, налил не ему, а ежу.

Я понял, что Барсику, страстью которого были постоянные путешествия по окрестным улицам и садам, не раз, видно, приходилось встречаться с ежами.

Ведь ежи обитают в наше время не только в лесах, но и в садах, а некоторые даже любят жить на молочных фермах и хорошо знают расписание, по которому доярки доят коров. Они даже выстраиваются в очереди за молоком, которое, случается, иногда проливается мимо подойника.

Барсику он был просто не интересен.

А ёжик бегал по комнате, деловито осматривая и обнюхивая её. Он был небольшим: скорее всего, летнего выводка. Ёжики ведь растут очень быстро и рано становятся самостоятельными.

Он тщательно обследовал все углы и пару раз, продираясь под трубами, свалился в приямок, в котором был установлен отопительный котёл, и я, чтобы не лазить за ним туда постоянно, оградил подходы к нему деревянными брусками и досками.

Потом пришлось прикрывать все щели, в какие он только мог пролезть. Я боялся, что он куда-нибудь прощелкнется, а обратно вылезти не сможет, как однажды у меня уже было со сбежавшим хомячком, которого едва смог обнаружить только, когда он начал грызть шкаф снизу.

Так ёжик жил день, второй, но странно было, что он ничего не ел. Даже своё любимое молоко.

Может быть, Кузя всё-таки повредил ему что-нибудь, и он болеет?

Ночью ёж не спал, а всё время шебуршил то под диваном, то за его спинкой. Два раза мне пришлось сбрасывать его, когда он забирался ко мне на постель.

"Надо будет в ближайшее время отвезти его в лес", — подумал я.

В воскресенье вечером я опять увидел, что еда осталась нетронутой, а ёж, как и утром, спал, свернувшись клубочком под сервантом.

Я уже немного знал его расписание: в пол-одиннадцатого вечера он просыпается и начинает путешествовать.

Поэтому я спокойно занялся своими делами.

Но ёжик не проснулся, ни в пол-одиннадцатого, ни в полдвенадцатого, когда я собрался ложиться спать.

Я взял фонарик и посветил под диван. Увиденное расстроило меня.

Ёжик лежал на боку, вытянув задние ножки.

"Ну, вот, — подумал я, — хотел сделать, как лучше, и уморил животное".

Но почему так получилось, я не понимал: ведь еда была, а к неволе ежи не очень восприимчивы.

А, может, он спит? Подожду до утра.

Ночь прошла тихо. Ёжик не шелохнулся. Утром я снова заглянул под диван и увидел, что поза не изменилась.

"Значит, всё-таки, умер", — решил я, но вины своей не ощущал.

По всем законам, если только он не был болен, он не должен был умереть. Но и для спячки ещё не время — сентябрь на дворе: тем более, что и поза для спячки не подходящая.

Обычно ежи на зимнюю спячку укладываются в гнёздышко, свернувшись клубочком и тщательно завернувшись в кучу листьев и мха.

Я решил достать его из-под дивана и пока положить в коробку. И тогда станет ясно — спит он или умер.

Я взял деревянную линейку, чтобы выгрести ежа из-под дивана. Но только я к нему прикоснулся, как он дёрнул ножками и мгновенно свернулся в клубок. Но так и не проснулся.

Мне стало смешно и весело.

"Это же надо, какой соня", — подумал я.

Всё объяснялось просто. Становилось прохладно, и я на днях включил водогрейный котёл. От тепла ёжик разомлел, разнежился и уснул без всякой подготовки к зимовке.

Вот тут-то я и вспомнил старую притчу про цыганёнка. Ведь, если я теперь выпущу его даже в родном лесу, он уже может не успеть за оставшееся время подготовиться к зимовке, нарастить жировую прослойку, за счёт которой должен питаться зимой во время спячки и подготовить себе гнёздышко. Ведь, прожив несколько дней в тепле у меня в доме, он уже запутался во времени и может не успеть сделать то, что должен.

Значит, придётся ему эту зиму провести у меня дома, только нужно будет создать условия, близкие к природным.

А уже весной я выпущу его на волю. Пусть снова закаляется.

